

Татъяна Москвина

**ПРИВЕТ
PRIVET,
НАРОД
NAROD!**

СОБРАНИЕ МАЛЕНЬКИХ СОЧИНЕНИЙ

ЛИМБУС ПРЕСС
Санкт-Петербург

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Эта книга состоит из моих заметок, которые с 2017 года публикует петербургский еженедельник «Панорама ТВ», являющийся расширенной телевизионной программкой с элементами популярного журнала. Тираж у «Панорамы», в сравнении... да в сравнении с какой угодно печатной продукцией, – астрономический по нынешним временам. А если учесть, что «Панораму» часто берут не для одного читателя, но на всю семью – могу с гордостью сказать: меня читает народ (Северо-Запада).

Не так-то просто сообразить, как писать для народа, ведь я вовсе не народный писатель. Николай Лесков утверждал, что для народа следует писать «с дымком, с грязью и с дуринкой». Я этого не умею. Я вообще отщепенец, личность своеобразная до патологии, но тем не менее – бывшая советская девушка и дочь трудового народа. В моей сложности есть простые элементы – хотя бы опыт быта, с которым я могу присоединиться к людской общности. Никогда не покидала Родину больше чем на три недели. Хожу по улицам Петербурга и Москвы, вдыхая полной грудью воздух сего дня. В охотку смотрю русские сериалы! Могу *быть понятной* и даже полезной.

Во всяком случае, до сих пор читатели «Панорамы ТВ» не роптали на меня, а совсем напротив.

За четыре года трудовой вахты накопилось, как вы понимаете, немало заметок, которые я отобрала и рассортировала по рубрикам. Читатель может представить себе эту книгу как род прогулки с разговорчивым собеседником, который горазд болтать и шутить на всякие темы – о Ленинграде и Петербурге, о пышках и котлетах, о криминальных сериалах и театральных премьерах, о том, что делать и чего не делать, об актёрах, женском гении и крупных мелочах жизни... Коврик вышел пёстрый, незатейливый, но сотканный довольно прилежно и не без выдумки. Одних названий сколько изобретено (в книгу вошло более ста пятидесяти «маленьких сочинений»), а это, между прочим, целое искусство. Отенок назидательности немножко искупается тем, что, надеюсь, некоторые мои «маленькие сочинения» могут сойти за юморески.

Что ж, поехали-полетели – и привет privet, народ narod!

Твоя Татьяна Москвина

1

РОДОМ ИЗ
САНКТ-ЛЕНИНГРАДА

В МИРЕ ИЗОБРЕЛИ СОВЕТСКИЙ ВЕЛОСИПЕД

Когда до меня доходят известия о мировых бурях, замешанных на правах, скажем, чернокожих и разных прочих меньшинств, грозные требования прекратить смотреть на женщину как на сексуальный объект и предоставить ей подлинное равноправие, я, родившаяся через пять лет после смерти Сталина, различаю в этих бурях отлично знакомые звуки.

Слушайте, я всё детство, девичество и юность провела под властной диктатурой удивительно похожей идеологии. Права нацменьшинств были прописаны неизбежно, и когда в вузе брали без очереди, по разнарядке так называемых «нацменов», это решительно никого не удивляло: так надо, следует поддерживать в «нацменах» тягу к образованию, предоставлять им преимущества. Женщина как предмет вождения? Да что вы, какой ужас, женщина – друг и товарищ, равноправный строитель нового мира. Всяких там фифочек, увлечённых тряпками и диванчиками, советское искусство нещадно бичевало. Косметику выпускали простую, суровую, нижнее бельё такого же рода, а о модной индустрии и каких-то там «конкурсах красоты» никто

даже и не мечтал. Разумеется, люди всячески изворачивались, приукрашивались, но общая идеологическая линия была тверда.

А вот теперь не настало ли время достать образчики того, советского бельишка? И костюмов, платьев и пальтишек фабрики «Большевичка»? Они очень могут пригодиться для фасонов нового мира, где самым страшным стало посмотреть на женщину с вожделением. В этом белье и этих пальтишках куда легче осуществить программу полного превращения женщины в товарища, который возбуждает разве желание принять сто граммов и идти в бой на врага. Западная индустрия моды всё никак не может приноровиться к новым запросам, клепает и клепает соблазнительные кружавчики, варганит призывные наряды, штампует тонны косметики, а ведь ничего этого уже не надо, и никакой моды больше нет.

Милости просим в наши запасники! Оказывается, у нас была самая передовая идеология, опередившая время. Это же у нас в российском прокате обязательно шли фильмы союзных республик, в основном, при полупустых залах, но непременно шли – по разнарядке. Это у нас сияла фата-моргана пролетарского интернационализма, и если в картине шла речь об иноземной жизни, в противовес гадким буржуинам надо было твердой рукой прописать хороших, прогрессивных трудящихся. А идеалы феминизмы были воплощены в жизнь вообще целиком. Существовала обязательная норма представительства женщин в органах власти, и она неукоснительно соблюдалась. Платить женщинам меньше, чем мужчинам, – что за бред! Ставка заявлена в штатном расписании, и какого пола ни был бы работник, он эту ставку и получал. А уж приставать к женщине в трудовом коллективе – партком-то на что?

Конечно, жизнь шла своим чередом, ведь идеология не в силах справиться с её буйством. Да и нынешние предписания действовать по чьей-то указке, потому что это правильно и прогрессивно, тоже обречены на провал. Просто смешно, как рифмуются времена и нравы, а старуха-история с ухмылкой подсовывает нам в качестве передовой идеологии наши собственные штампы вековой давности. Не вызывающие большого аппетита – ведь этот винегрет мы уже один раз ели.

КОТЛЕТЫ НАШЕЙ МЕЧТЫ

Есть люди, которые долго и прилежно изучают меню в ресторане, а потом заказывают борщ и котлеты или – уху и пельмени, и я из их числа. С таким параличом вкуса лучше всего отправиться в какое-нибудь кафе, что именует себя «советским». Их навалом везде. Там будет соответствующая музыка, старые книги и пластинки для дизайнера, и меню обещает вроде бы полное воскрешение юности. Но это ловкая иллюзия!

Если бы удалось действительно воскресить реальную, рядовую советскую столовую семидесятых, к примеру, годов, то посетитель, узрев замызганные столики, увидев скудный ассортимент и учуяв дурные запахи, бежал бы в ужасе и отвращении. То, чем нас потчуют сегодня красивые молодые официантки мнимых «советских» кафе, – вовсе не ТЕ котлеты. То месиво, наполовину из хлеба, мы бы сейчас и в рот не взяли. Это не воскрешение прошлого, а театр прошлого, где отдельные приметы сильно идеализированы и преображены.

Сегодня у нас есть выбор – можем пойти в итальянский или японский ресторан, а можем в «советский». Прекрасно осознавая, что будем вкушать современно приготовленную пищу никакого не прошлого, а самого что ни на есть настоящего. Сколько ни толкуй о преимуществах социализма, не может на свете существовать строй, при котором человек не вправе открыть свой ресторан! Это не строй, а мираж.

Так что на самом деле мало кто хочет действительно «воскрешения СССР». Хочется невероятного: чтобы преимущества социализма соединились с достижениями капитализма в каком-то энергичном, фантастическом

объятии. Ни квартир своих приватизированных, ни дачных участков мы уже не отдадим, шиш. На грядках ляжем с пулемётами. Из иномарок нас не выкуришь. Никакой фильм на полку не положишь. Железный занавес, коли его опустят, голыми руками порвём на сувениры. Да, мы требуем, чтобы на улицы вернулись дворники, но – без руководящей роли партии и единого политдня, будьте любезны. И чтоб рубли свободно менялись на доллары, за что в нашем возлюбленном прошлом можно было и высшую меру схлопотать...

Эту небывалую систему жизни, сотканную из динамических противоречий, мы пока что лелеем в мечтах. Пока что удалась только КОТЛЕТА, та самая котлета подомашнему, что вам принесут в «советском» кафе.

С виду она будет ТОЙ самой котлетой, гарнированной картофельным пюре и кусочком соленого или свежего огурца. Но огурец будет благоухать по-настоящему, пюре явится нежным и светло-жёлтым, а не сизым и в комочках. Котлета же предъявит вкус настоящей мясной котлеты. Пройдя через горнило сомнений и крутых исторических испытаний, советское преобразится в идеал, которым никогда не было.

Никакого прошлого мы не воскресим, через двадцать – тридцать лет надо делать титанические усилия, чтобы воссоздать обстановку минувшего даже в кино, и то надо быть крупным талантом, чтобы такое воплотить. Это получалось разве у Алексея Германа-старшего, а вот у младшего уже не очень-то. Но можно кое-чем воспользоваться, вставляя фрагменты прошлого в картину настоящего.

Получилось же с воскрешением преображённых советских котлет. Может, выйдет и с реинкарнацией советских пенсий?

А ГДЕ ДЕНЬ КОНДУКТОРА?

Петербург называют городом-музеем, и это так, да не так. Вот Венеция – действительно город-музей, и однажды мне довелось увидеть там настоящего жителя, коренного венецианца. Быстро-быстро, крупной рысью он шёл вдоль улицы, и рядом трусила, тоже быстро-быстро, небольшая собачка. Венецианец с явным облегчением юркнул в подъезд своего дома. Этих жителей, сразу заметных в гуще разудалой толпы «посетителей музея», всего-то двести шестьдесят тысяч. А нас в двадцать раз больше, и у нас, кроме исторических декораций, ещё куча всего – и вузы, и промышленность, и транспорт. Плюс гости из России, для которых Петербург опять стал желанным эрзацем Европы. Надо сказать, отличить приезжих от коренных довольно легко. И не по одежде, хотя петербуржец вряд ли выйдет на Невский в цветных трусах. Что-то в выражении лица у нас (коренных) другое. Не лучше и не хуже мы, просто – другие... В общем, когда мы все, хозяева и гости, вываливаемся на улицы с целью проветриться-разгуляться в День города, что-то впечатления музея Петербург наш не производит.

Вообще-то если героем праздника, Дня города, является именно город, в этот день ему хорошо бы отдохнуть от людей, а не испытывать на своей шкуре мощь их ног, рук и голосов. В этот день было бы правильно не привозить, а вывозить людей из Петербурга. Вот знаете, почему японские туристы стали символом маниакальной любознательности? Потому что правительство Японии всячески поощряет, когда люди уезжают в отпуск куда подальше и уменьшают нагрузку на остров. Денежно поощряет. А вот если бы петербуржцам платили в конце мая специ-

альные премии, чтоб они покидали город-музей? Впрочем, это несбыточные мечты.

Многие жители научились извлекать неожиданные радости из своего положения. Недавно мне пришлось проехать по центру четыре остановки на автобусе, где кондуктор, почтенная дама, стала великолепно поставленным голосом рассказывать пассажирам о достопримечательностях, мимо которых проезжал (а точнее, возле которых подолгу стоял) её автобус. Она знала, о чём вещала – видимо, бывший экскурсовод. Деваться пассажирам было абсолютно некуда, и они покорно слушали. Я решила тоже поучаствовать в спектакле. «Вот Биржа...» – начала кондуктор-экскурсовод. «Да, – поддержала я, – вот Биржа, откуда зачем-то выселили Военно-морской музей, и теперь она стоит пустая и разрушается». Нет, я не была понята сообществом автобуса. Люди держали курс на позитив.

И я подумала: ведь в Петербурге сохранилась совершенно реликтовая профессия кондуктора. Это в эпоху интернета и криптовалюты! Хорошо бы учредить в городе специальный День кондуктора. Ведь наши кондукторы – люди, как правило, прихотливой и сложной судьбы, самых разных профессий. Многие с высшим образованием. Пусть в этот день они раскрепостятся полностью. Поют, танцуют, декламируют стихи прямо на своих маршрутах. Решают с пассажирами математические задачи, играют с ними в шахматы, шашки, нарды. Заполняют кроссворды на скорость. Демонстрируют новые модели одежды от петербургских дизайнеров...

Ха, музей. Мы вам не музей. Мы город-театр!

ЛЕНИНГРАДЦЫ ЭТИМ НЕ ЗАНИМАЛИСЬ

Я часто смотрю передачи о советском времени в глубоком недоумении. Мне рассказывают о тотальном дефиците, блате и очередях, а я вспоминаю своё ленинградское детство и юность и не могу припомнить, чтобы эти явления были бы так уж всеильны. Или, во всяком случае, занимали огромное место в жизни. Конечно, дефицит был, я не спорю. Но вот чтобы ленинградцы в массовом порядке шли на поклон к директорам магазинов и выносили с чёрного хода свертки с деликатесами?

Мне кажется, что Москва в этом случае распространяет свою манеру жить на всю страну. Москва любит поесть, Москва живёт семейками и общинами. В Москве расположены все посольства и министерства, в Москве всегда есть золотая молодёжь и большое количество народных артистов. Это не плохо, а это факт. Но при чём бы тут был Ленинград? У нас картина другая. В Ленинграде не было ни одного расстрельного дела, связанного с директорами универмагов. В Ленинграде не припомню такого явления, как табличка «Мест нет» в ресторане, – то есть, возможно, в каких-то совсем уж дорогих мажорских местах такое и было, но вообще-то рестораны были доступны. Ходили туда ленинградцы редко, но ходили, и без всяких взяток швейцару. Я лично с первой зарплаты (в технической библиотеке) пошла с подружкой в ресторан «Балтика» и проела четыре рубля за полный обед. А в простом быту проблема доставания продуктов почти что и не возникала – ленинградцы в принципе неприхотливы. После блокады-то. Существовали, например, кулинарии, где продавались мясные полуфабрикаты – антрекоты, шницели и лангеты, ценой в тридцать с чем-то копеек. Про машины никто

и не мечтал, и ситуация, изображённая в фильме Рязанова «Гараж» (а действие там происходит в Ленинграде), когда научные сотрудники рядового НИИ имеют автомобили в массовом порядке, – она абсолютно фантастическая. Кооперативные квартиры можно было получить без всякого блата – заплатил первый взнос и въезжай. Мой папа, рядовой инженер, три раза женился и три раза покупал кооперативные квартиры, никакого блата не было, и никаких начальников он не умолял.

Не занимались этим ленинградцы! Не потому, что они лучше или хуже москвичей или там южан, а потому, что были другие стандарты жизни и другие приоритеты. Дефицитом не хвастались – наоборот, стыдливо скрывали. Да, конечно, у нас были фарцовщики – но тоже, знаете, особенные. Фарцовщиком одно время был писатель Сергей Довлатов. Вот книги – это да, тут стоял ажиотаж, книги покупали втридорога, за ними охотились, их добывали...

Так что напрасно Москва обобщает свои московские особенности как примету всей жизни. Далеко не все крались по чёрному ходу к всеильному директору и кланчили подачку, чтобы тридцать лет спустя весело рассказывать об этом позоре по телевизору. Многие жили иначе, уж извините.

С ПЫШКАМИ-ТО ПОЛУЧИЛОСЬ!

Некоторые тут вздыхают и говорят, что всё бесполезно. А ведь это ложь и клевета на действительность. Всё не бесполезно, точнее говоря – бесполезно, но не всё. Хорошо помню, как примерно в середине девяностых – начале двухтысячных годов стал обваливаться и напрочь исчезать бытовой Ленинград – ателье ремонта и клетушки чистильщиков обуви, телефонные будки и автоматы газировки, рюмочные, пирожковые, пышечные... И народ восстал. То есть мысленно. Люди хотели пышек. Своих родных пышек с их мягкими и притом хрустящими боками, с их облачной, но такой приятно осязаемой плотью, с лёгким инеем сахарной пудры и нереально низкой стоимостью. Люди хотели также и рюмочных, но это другой вопрос, осложнённый сопутствующими грехами, – страсть же к пышкам была ангельски чиста. Ещё никто не выбирался из пышечных на четвереньках. Пышки не приводят к деградации личности. Пышка совершенна и невинна!

И вот к мысленному восстанию жителей присоединилась группа писателей и журналистов. Владеющие словом скорбели об утрате пышки, да и в принципе видели в бытовом Ленинграде немало ценного. Взволнованное слово ушло, как говорится, в ноосферу – и... оглянитесь! Сегодня в центре города вы встретите десятки пышечных, где вас поджидает мягкая хрустящая подруга ценой в десять – пятнадцать рублей. Рядом с пустынными бутиками, где уныло висят платица для эльфов. По соседству с коварными ювелирными лавками и надменными спорттоварами. Пышка, родная! Мы тебя отстояли, мы тебя выстрадали, мы за тебя животом проголосовали и зубами вырвали тебя за поджаристый бочок у небытия. В Москве пышечных

нет – а у нас есть. И в какое время ни зайдешь – у любого прилавка стоит маленькая, но очередь. И пусть с лихорадочным блеском в глазах поедают пышки те, кому вообще-то уже давно пора прекратить есть (я сама из их числа), – зато мы обладаем в душе настоящим Веществом Желания. Это мы хотели пышек – и мы своего добились.

Надо заметить, и пирожковые возродились со временем. И рюмочные подняли свою зелёно-змеиную голову. И даже клетушку чистильщика обуви я повстречала недавно – и клянусь, там сидел тот же скорбный восточный мудрец в изгнании, что и сорок лет тому назад. Столовые – те вообще на каждом шагу. Ах, если бы так же просто и естественно вернулся, вместо самодовольного новодела, тот милый ленинградский Летний сад...

Но вот вопрос: почему с пышками получилось, а с такими рудиментами Ленинграда, как газеты, нет? Ведь газеты наши исчезли почти что начисто. И вроде бы за них боролись, и какие-то слова уходили в ноосферу – однако лик судьбы оставался равнодушен, и ленинградские газеты сгнули бесславно. Вяло боролись? Не те слова пустили в ноосферу? Вообще-то боролись вяловато, но не в том дело.

Не возбуждали наши газеты подлинного Вещества Желания в горожанах. Их хотели как-то отвлечённо и умозрительно. Не всем нутром, не своим животом. Вот и не получилось, как с пышками. Которые ведь балансировали на грани гибели, но вернулись к нам, и не обновлёнными, а полностью возрождёнными, такими, какими и были!

А потому что хотеть надо по-настоящему. И – настоящего.

ТЕПЕРЬ КОФЕ С МОЛОКОМ, ПОЖАЛУЙСТА

Что ж, я добилась своего: бродя по Гостиному Двору, вознамерилась заглянуть в тамошнюю пышечную, а там очередь человек в пятнадцать. Воспевала родную питерскую пышку – принимай последствия. Такова сила убеждённого слова! Ободрённая успехом, двигаюсь дальше: желаю кофе с молоком. В чём проблема? В том, что в девяносто семи процентах случаев мне предложат либо «американо со сливками», либо «латте», либо «капучино». А я желаю кофе с молоком.

Нет, конечно, не «того самого», антикварного советского напитка, который наливали из ведра в огромные бадьи с краником и продавали за двадцать две копейки. Та сладкая жуть исчезла навсегда. Напиток не поддаётся изготовлению в домашних условиях, никакие пропорции кофе и молока вкус его не передают. Подозреваю, кофе там не было вообще. Предполагаю, что делали его из стратегических запасов специального порошка... Нет, я хочу просто кофе с молоком. Не «американо со сливками» и не «латте». Чтоб так и было написано в меню, искренне, по-русски задушевно и бесхитростно. Латте я с удовольствием выпью в Италии.

Очень уж у нас активизировалась деятельность дурацкого демона по имени «иностранец Василий Фёдоров». Помните первую главу «Мёртвых душ» Гоголя, когда Чичиков приезжает в город? «Попадались почти смытые дождём вывески с кренделями и сапогами, кое-где с нарисованными синими брюками и подписью какого-то Аршавского портного; где магазин с картузами, фуражками и надписью “Иностранец Василий Фё-

доров "...» Вот этот иностранец Василий Фёдоров теперь всю определяет стиль нашей жизни. Бурно и рьяно, гораздо эффективней, чем во времена Гоголя. Чего стоят хотя бы названия станций метро, сплошь дублированные на латинице, и объявления остановок по-английски в общественном транспорте. Это всё наш иностранец Василий Фёдоров придумал – для удобства настоящих, полноценных господ – иностранцев.

Конечно, это не вчера началось. Мечта, что наденешь джинсы (фрак, цилиндр и т. п.) – и ты уже почти как гражданин волшебного мира, давно с нами. Хотя уже нет никакого волшебного мира. Просто удивительно, с каким упорством подделываются формы западной цивилизации при полном игнорировании её сути. Как будто замена простодушного кофе с молоком на пижонское «американо со сливками» принесёт неперемное счастье.

И американо, как правило, дурной, и сливки-то дрянь порошковая. От нашего кофе с молоком мы ничего не ждали, знали точно: дадут пойло, так и давали пойло. И теперь дают пойло, только сопровождаемое жалкой претензией на «всё, как у людей». Прикрытое, точно срам – платочком, иноземным названием.

Надену тишотку и лоферы, пойду выпью смузи... Нет, не надену. Буду упрямо добиваться уголков идентичности. А потому под родными вывесками «Пирожковая» и «Пышечная» должен обитать родной кофе с молоком! Может, всё-таки попробовать нам восстановить тот старый рецепт? Может, кто из прежних технологов помнит? Там же цикорий был вместо кофе, так?

Ничего, отстояли конфеты «Белочка», спасли эклеры и корзиночки, уберегли пышку – вернём и кофе с молоком. А потом и Летний сад восстановим.

НЕЛЬЗЯ – ЗНАЧИТ, НИКОМУ НЕЛЬЗЯ

Все, конечно, помнят скверную историю, как некие активисты самовольно сбили каменный лик Шалапина в образе Мефистофеля с дома на Лахтинской улице. Вандализм был общественностью решительно осужден, потому как никому не позволительно в Петербурге самовольно распоряжаться эстетикой города. Никаких двух мнений тут быть не может – это область закона. Мало ли что кому не понравится, люди – они такие причудливые, тем более у нас в городе. Эдак решит кто-нибудь, что маскироны на фасаде дома, где он живёт, слишком страшно разрезают рты и пугают детей, возьмет отбойный молоток и начнёт ликвидировать безобразие. А другой, наоборот, вознамерится украсить улицу изображением любимого политика или артиста. Нет, ничего такого в Санкт-Петербурге нельзя.

Но нельзя – это значит никому нельзя.

А я постоянно читаю о замечательных художниках, которые в историческом центре города разрисовали стены – то это иллюзия двери, то гирлянды растений, то копии знаменитых картин. И граждане возмущаются тем, что эти вдохновенные работы старательных неизвестных мастеров ликвидируются городскими службами. Не понимают эти службы дивной красоты и вдохновения самодеятельных художников! Идут со своими ведрами с бежевой/серой краской и замалёвывают искусство!

Городские службы в этой ситуации совершенно правы. Самовольная живопись на стенах домов в историческом центре недопустима, какого качества она бы ни была. Для того чтобы разрисовать дом в историческом центре, следует пройти длинную цепь согласований.

Для начала, отправиться в управление эстетики и дизайна городской среды, расположенное на улице Зодчего Росси, это часть Комитета по градостроительству и архитектуре. Там есть приёмные дни и часы. Туда и следует приносить свои вдохновенные идеи, а уж дальше предусмотрена цепь законных шагов. Да, у нас есть управление эстетики! Вот вы никогда не слышали, а оно есть. И очень может быть, что оно вам пригодится.

А самовольная ликвидация, как и самодеятельная роспись – явления одного порядка. Недопустимого. Нельзя – значит, никому нельзя и ничего нельзя. Очень простое правило.

Но с нашими городскими художниками надо, конечно, что-то делать. Не оставлять их на произвол судьбы. А то они от отчаяния действительно в массовом порядке ринутся самовыражаться на стенах домов. Больше выставок, больше ярмарок, больше внимания, даже пропаганды наших ребят. Граждане должны обзавестись полезной привычкой покупать картины петербургских художников. Это может стать очень перспективным направлением вложения денег. Смотрите, как умные люди вздули цены на старых мастеров, внедрив это своё «современное искусство». А наши петербургские художники тоже мастера, среди них немало самобытных.

Так что давайте не портить город, а работать к его вящей славе.

ГДЕ ЛОГИКА?

Есть мнение, что петербуржцы – это такие «русские англичане», люди с психикой островитян. Замкнутые, церемонные, крайне своеобразные, консервативные, со своим чувством времени. Одеваться предпочитаем в серое и чёрное. Вопрос «Как пройти в библиотеку?» для нас не звучит анекдотически. Любим находить привычные вещи на привычных местах. Вроде бы так, но... Привожу два примера.

Недавно посетила Большой зал Филармонии – дирижировал Юрий Хатуевич Темирканов. Я была школьницей, а его звезда уже сияла на невских берегах, и вот миновали эпохи и эры – Темирканов по-прежнему в строю и в полной силе. Было такое чувство, как будто на сцену вышел сам Станиславский, что ли: Темирканов не делал никаких уступок «духу времени», являя собой пример высочайшего мастерства, для которого главное – передать музыкальную мысль композитора. Масса нюансов, пауз, нарастаний... словом, дирижёр старой закалки, может быть, последний из плеяды великих дирижёров XX века. Величественный без чопорности, благородный без жеманства! Зал битком. Много таких, как я, – бегавших в Филармонию «на Темирканова» ещё в юности. Итак, вот оно, петербургское счастье.

И случилось мне мельком в новогоднюю ночь глянуть на телеэкран. Там тоже появились люди, знакомые мне со школы. Они занимались тем же самым, что эпохи и эры тому назад, – то есть как бы пели. Многие при этом жизнерадостно прыгали. Однако счастья найти привычное на привычном месте не было. Наоборот: нарастало раздражение. То ли от их глупых песен, то ли от их лиц, становя-

щихся с годами всё глаже и моложе. Не было никаких признаков счастья, а было тоскливое чувство, что ты попал в некую унылую вечность «эстрады».

Так где же логика-то? Где «русское англичанство»? Темирканов за дирижёрским пультом сорок лет – и я в восторге, а певец Н. Н. те же сорок лет в телевизоре – а меня тошнит. Нет бы взять и возрадоваться, потешить консервативную душу: о! всё на своих местах! А ты злобишься, карму портишь. Задаёшься бессмысленным вопросом – да когда же это кончится-то, когда эти демоны успокоятся и отойдут от нас на свою планету самодовольных идолов в перьях и блёстках...

Где логика?.. А нет логики. То есть тут не до логики. Перемены должны быть, а изменений при этом быть не должно. Одно и то же – не одно и то же. Не всякая консервация полезна для здоровья. И не всякая вечность даётся в награду – некоторые вечности даются в наказание. Видимо, в Большом зале Филармонии царит один тип вечности, а на экране – совсем другой.

Хорошо ещё, пока можно выбирать.

КОНЕЦ ОЗНАКОМИТЕЛЬНОГО ФРАГМЕНТА